

art&cult

арткульт

Российский государственный гуманитарный университет / Факультет истории искусства

№7 (3-2012)

П.А. Сафронов

УНИВЕРСИТЕТ КАК ПРОБЛЕМА: О НЕПЕРЕВОДИМОСТИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ¹

На протяжении всей их истории университеты в царской России создавались и рассматривались как часть государственного аппарата. Зависимость университета от имперской бюрократии, проявлявшаяся на разных уровнях, создавала странное состояние институциональной 'полуавтономии', основанной исключительно на личных взаимоотношениях. Мутация личного в институциональное и наоборот является центральным пунктом анализа в этой статье.

Ключевые слова: университет, бюрократия, государство, перевод, аппарат, автономия

Universities throughout their whole history in tsarist Russia were designed and regarded as a part of state apparatus. University multileveled dependence on imperial bureaucracy produced strange institutional 'semi-autonomy' based on personal relationships only. Mutation of personal into institutional and vice versa is the central point of the article.

Key words: university, bureaucracy, state, translation, apparatus, autonomy

Сафронов П.А. - старший научный сотрудник ИФ РАН, декан философско-социологического факультета РАНХиГС. E-mail: peter.safronov@gmail.com.

Изучение трансформаций отечественной образовательной среды на всех этапах её развития вызывает огромный практический интерес. Неоспоримо важнейшее положение университетов в образовательном ландшафте. Текущее положение дел, характеризующееся слабостью как индивидуальной рефлексии, так и коллективных форм самоорганизации в этой сфере, невозможно понять и объяснить вне исторического контекста. После 1917 года, а затем после 1991 года, численность студенческого и отчасти преподавательского состава возросла многократно, но её самосознание стало гораздо более расплывчатым, чем до революции. Постепенно сформировался и продолжает бытовать до сих пор заполняющий эту интеллектуальную лакуну миф, опира-

---

¹ Работа поддержана грантом РГНФ, проект № 12-03-00494 «Непереводимость в европейских философиях: границы непереводимости понятий» (руководитель проекта – А.В. Марков). Автор хотел бы выразить глубокую признательность Роману Абрамову, Михаилу Богатову, Борису Деревягину, Ирине Дуденковой, Андрею Зорину, Виталию Куренному, Антону Смолькину, Петру Штомпке, Григорию Юдину, личное общение с которыми оказало существенное влияние на формирование и развитие изложенных в настоящем тексте идей.

ющийся на 'лирическую' картину деятельности высших учебных заведений в императорскую эпоху².

Что такое университет с точки зрения его истории? В России, вплоть до петровской эпохи фактически не имевшей собственной научно-образовательной традиции и поддерживающих её институтов, этот вопрос стал проблемой возможности перевода западноевропейской модели университета на отечественную почву. Перевода, во-первых, в смысле административной организации высшей школы и, во-вторых, в смысле (само)определения деятельности участников академической корпорации. Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы обозначить основные черты перевода западноевропейской академической традиции в царской России, показать особенности и проблемы этого процесса, а также охарактеризовать роль государственной власти в нем.

Начало последовательным действиям по переводу университетской системы в контекст российских условий стало создание в 1755 году Московского университета. В 1855 году, направляя коллегам поздравительный адрес по случаю столетия со дня основания университета, ученые Киевского университета писали: «...нет ни одного сословия в России, в котором не было бы людей, обязанных своим высшим образованием этому святилищу наук»³. Всесословность образования, отсутствие отдельного богословского факультета, широкая просветительская деятельность — эти черты Московского университета стали определяющими для развития всей высшей школы России. Вековые беды первого университета — материальная скудость, медлительность обновления преподавательского состава, произвол отдельных лиц — также перешли на университеты созданные позже.

Уже в первые годы существования Московского университета стало заметно преобладание бюрократических интересов. Немногочисленные русские профессора вступили в яростный спор с иностранными коллегами по поводу рассадки в помещении университетской конференции (совета), требуя распределения мест по старшинству службы⁴. Система дарования чиновных преимуществ (ношение шпаги, зачтение учёбы в срок службы, казённый

² Следует отметить, что в последнее время развитие отечественной университетской историографии набирает силу. См. напр.: Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000; Вишленкова Е.А. Казанский университет Александровской эпохи. Казань, 2003; Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели. М., 2006; Никс Н.Н. Московская профессура во второй половине XIX — начале XX века. М., 2008; Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. ТТ. 1-4. М., 2002-2003. Однако всем перечисленным работам свойственна некоторая идеализация дореволюционного российского университета. Ср. с описывающим большую часть рассматриваемого в настоящей статье периода томом фундаментальной четырехтомной истории европейских университетов: Rugg W. (Ed.) A History of the University in Europe. Volume 3: Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1800 -1945). Cambridge., 2004.

³ Киевский университет. Документы и материалы. 1834-1984. К., 1984. С. 23.

⁴ Шевырев С.П. История императорского Московского университета. Репринтное издание. М., 1998. С. 56.

кошт) применялась для привлечения слушателей в университеты⁵. Желание Ломоносова сформировать преподавательский состав высшей школы из числа её собственных воспитанников⁶ с течением времени выродилось в работающую на холостом ходу машину аттестации научных кадров. Присвоение учёных степеней опять-таки соединялось с представлением об обеспечиваемых ими чиновных привилегиях, строго соотнесённых с Табелью о рангах. Ревниво охраняя престиж этих привилегий, учёное *сословие* всячески тормозило процесс ротации научно-преподавательского состава, что приводило к катастрофическому кадровому голоду⁷. «Вечной» проблемой русских университетов стал недостаток докторов наук⁸. Не приходится удивляться равнодушию преподавателей ко всему, что так или иначе выходило за пределы их *служебных* обязанностей. Беда обнаружилась тотчас после основания первого русского университета в Москве. Куратор И.И. Шувалов «жаловался на учителей и профессоров за недостаток деятельности»⁹.

Становление и развитие Московского университета было неотделимо от действий государственной власти. Университет стал детищем монархии, пусть не самым любимым, но опекаемым с железной неукоснительностью. Монархия создала и развила университет буквально на пустом месте. Иначе говоря, «университет ... не был вызван сознанием общества в необходимости высшего образования: его учреждала Верховная Власть для образования полезных деятелей на поприще государственной службы»¹⁰. Смена вех университетского развития обуславливалась государственными задачами и подчинялась им. Царское правительство было едва ли не вынуждено брать на себя роль активного участника университетской политики, которая в результате становилась в ряд других отраслей государственного управления.

Рассматривая университет как часть имперской системы власти, царская администрация естественно стремилась рассматривать происходящее в нём при помощи оптики государственной службы наиболее понятной для бюрократического взгляда. В результате университет стал местом, где одни чиновники (профессора) готовят к служебной деятельности других, будущих чиновников (студентов). Иначе говоря, «университет ... не был вызван сознанием общества в необходимости высшего образования: его учреждала Верховная Власть для образования полезных деятелей на поприще государственной

⁵ *Рожественский С.В.* Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб., 1902. С. 61.

⁶ См. об этом: *История Московского университета*. Т. 1. М., 1955. С. 25 и далее.

⁷ См. об этом: *Иванов А.Е.* Ученые степени в Российской империи. XVIII-1917. М., 1994; *Соболева Е.В.* Организация науки в пореформенной России. Л., 1983.

⁸ *Иванов А.Е.* Указ. соч. С. 59.

⁹ *Шевырев С.П.* Указ. соч. С. 62.

¹⁰ *Ферлюдин П.И.* Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Саратов, 1893. С. 45.

службы»¹¹. Очевидно, что при таких условиях даже постановка вопроса об университетской автономии как составной части академической традиции оказалась существенно затруднена. Известный деятель николаевской эпохи, министр народного просвещения (в 1833-1849 гг.) С.С. Уваров недвусмысленно утверждал, что «зло превыше всех прочих» заключено в мнении, будто «студенты составляют отдельное сословие, имеющее свои виды, свой голос и даже свои права»¹². Отказывая учащимся в праве сознавать себя как единое целое, правительство неминуемо должно было отказать в таком праве и учащим, то есть преподавателям. Единственным показателем научной работы, обладания статусом ученого служило формальное наличие ученой степени¹³.

Поскольку имперская система управления была чрезвычайно сложна и непрозрачна, академические деятели постепенно научились использовать несогласованность её частей в своих целях, иногда напрямую апеллируя к царю. Характерным примером здесь может служить деятельность графа Сергея Григорьевича Строганова на посту попечителя Московского учебного округа в 1835-1847 гг.)¹⁴. Использование личных контактов с царем или высокопоставленным бюрократом практиковалось не только графом Строгановым. Игра на внутрисистемных противоречиях становилась важнейшим способом обеспечения преимущественного положения отдельных лиц и институций, исподволь корректируя и дополняя формальные нормы посредством сложившихся неформальных практик и отношений¹⁵.

Хронологическая последовательность сменявших друг друга университетских уставов 1804, 1835, 1863 и 1884 гг. часто превращалась в «естественное» основание университетской историографии¹⁶. Однако правовое регулирование посредством уставов и других актов повсюду переплеталось с 'теневыми' балансами сил и персональных договорённостей, изнутри государственной машины оспаривавших единообразность её функционирования¹⁷. Перевод академической традиции на отечественную почву поэтому не имел линейного, однонаправленного характера, представляя собой на каждом эта-

¹¹ Ферлюдин П.И. Указ. соч. С. 45.

¹² Цит. по: *Рождественский С.В.* Указ. соч. С. 261.

¹³ См.: *Соболева Е.В.* Указ. соч. С. 38 и далее.

¹⁴ Профессор Московского университета Ф.И. Буслаев вспоминал об этом так: «[Строганов] был в непримиримой вражде с графом С.С. Уваровым [министр народного просвещения в 1833-1849 гг. – П.С.], и если мог действовать в управлении университетом и учебным округом вполне самостоятельно и независимо от его министерских предписаний, то лишь благодаря милостивому расположению, которым всегда пользовался со стороны императора Николая Павловича, и всякий раз сносился с ним лично, когда не соглашался с распоряжениями министра народного просвещения». // *Буслаев Ф.И.* Мои воспоминания. М., 1897. С. 305-306.

¹⁵ Ср.: *Козлов С.Л.* Сообщество выскочек: «Субъективный фактор» реформы высшего образования во Франции эпохи Второй империи // *Новое литературное обозрение*, 2009, № 100. С. 583—606.

¹⁶ Такой подход был, в частности, использован П.Н. Милоковым в статье «Университеты в России» в словаре Брокгауза и Ефрона. // См.: *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. 68 полутом. СПб., 1902. С. 788-800.

¹⁷ См. напр. характерный текст.: *Глинский Б.Б.* Университетские уставы. // *Исторический вестник*. 1900, т. LXXIX. С. 718-742.

пе результирующую многих, часто конкурирующих, движений. Однако в подавляющем большинстве эти движения возникали и затухали *внутри* государственного аппарата, отдельно от общественных дискуссий.

Проект учреждения Московского университета в 1755 г. был фактически единоличной инициативой М.В. Ломоносова, который подготовил первоначальный текст, и И.И. Шувалова, внесшего в него свои коррективы¹⁸. Выработка положений университетского устава 1804 г. происходила в узком составе специального комитета под председательством товарища министра народного просвещения М.Н. Муравьева¹⁹. Этот же комитет занимался и подготовкой уставов Академии наук и Российской академии²⁰. Обсуждение устава 1835 г. также носило кулуарный характер, не выходя за пределы узкого круга высшей бюрократии. В деятельности лиц, причастных к обсуждению 'университетского вопроса' постоянно обнаруживалось противоречивое стремление добиться создания *национальной* высшей школы по *европейскому* образцу. Наибольшей остроты это противоречие достигло в царствование Николая I²¹. Одновременно заявлялось, с одной стороны, стремление «основать образование русского народа на тех коренных началах, которые определяются его историей и составляют крепость его жизни», а с другой – намерение «поднять и поставить университеты в уровень с современной европейской наукой»²². Болезненная реакция правительства на попытки широкого обсуждения положения в высшей школе²³ только усиливала общее впечатление несостоятельности проводившейся политики²⁴, которая, впрочем, вызывала критику современников и ранее²⁵.

¹⁸ См. об этом: История Московского университета... С. 19 и далее; Кулакова И.П. У истоков высшей школы: Московский университет в XVIII веке. // Отечественные записки, 2002, №2. С. 3-54.

¹⁹ О деятельности М.Н. Муравьева в образовательной сфере см. подробнее в книге А.Ю. Андреева Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000. О личности М.Н. Муравьева см.: Зорин А.Л. Разлука с семьей весной 1797 года: двойная идентичность Михаила Муравьева // Новое литературное обозрение, № 110, 2011. (Режим доступа: URL <http://www.nlobooks.ru/node/1088>. Дата обращения - 18.11.2012). См. также: Flynn J.T. The University Reform of Tsar Alexander I, 1802-1835. Washington, 1988.

²⁰ См. об этом: Уставы Академии наук СССР. М., 1974.

²¹ Отношение самого Николая I к университету хорошо отражает характерное сообщение Ф.И. Буслаева о том, что император именовал Московский университет «волчьим гнездом». См.: Буслаев Ф.И. Указ. соч. М., 1897. С. 111.

²² Шевырев С.П. Указ соч. С. 468-469.

²³ Как это было в случае с острой реакцией высших сфер на статью директора Педагогического института в Санкт-Петербурге И.И. Давыдова «О назначении русских университетов», опубликованную в журнале «Современник» в марте 1849 г. См.: Рождественский С.В. Указ соч. С. 262.

²⁴ Весьма выразительна ретроспективная оценка известного либерального публициста Г.А. Джаншиева: «Едва ли в какой отрасли государственного управления система форменной или официальной лжи была доведена в дореформенное время до такой степени законченности как в области университетской жизни и научного исследования» // Джаншиев Г.А. Из эпохи великих реформ. 5-е доп. изд. М., 1894. С. 221-222.

²⁵ Министр народного просвещения в 1824-1828 гг. А.С. Шишков в 1826 г. так резюмировал причины кризиса государственной образовательной политики: 1) недостатки существующих уставов, в которых упущена основная цель народного просвещения – «образование приспособленное к потребностям разных состояний»; 2) ограниченность сумм на содержание педагогического персонала; 3) недостаток общего и частного надзора за учебными заведениями; 4) привилегии лицеев и пансионов, отвлекающие юношество от университетов; 5) слишком долгий срок учения в гимназиях и низших училищах. См.: Рождественский С.В. Указ соч. С. 180.

История российских университетов, едва начавшись уже обнаруживала приметы упадка по мнению многих наблюдателей. Так, например, либеральный министр народного просвещения (в 1861-1866 гг.) А.В. Головин с горечью подчеркивал, что университеты превратились в «питомники чиновников»²⁶. Реагируя на стагнацию университетов, имперская администрация зачастую становилась неожиданным источником наиболее радикальных предложений по реформированию высших учебных заведений. Чего стоит хотя бы тот факт, что в 1860 г. в заседании Главного правления училищ видный сановник, член Государственного совета барон М.А. Корф, выступил с предложением полностью «уничтожить все приемные и вступительные экзамены, предоставить всем желающим посещать лекции и держать испытания на получение ученых степеней»²⁷. Вместе с тем, именно представители центральной администрации на местах наносили наиболее тяжелые удары по университетской автономии. Особенно разрушительны оказались результаты погромной деятельности на посту попечителя Казанского учебного округа М.Л. Магницкого и его единомышленников Д.П. Рунича, А.С. Стурдзы в 1820-1826 гг., последовательно внедрявшего репрессивные методы руководства университетским преподаванием²⁸. Внутренняя несогласованность и аппаратная борьба фактически приводили к тому, что элементы университетской автономии возникали или уничтожались как побочное следствие очередной правительственной перестановки.

Университетская реформа Александра II в такой перспективе не может восприниматься как переломная точка в развитии высшей школы. Разумеется, градус общественной полемики вокруг университетского вопроса был беспрецедентно высок²⁹, однако в конечном счете подготовка устава сосредоточилась в Министерстве народного просвещения, под эгидой которого работала непосредственно занимавшаяся созданием текста документа комиссия под руководством попечителя Дерптского учебного округа Е.Ф. фон Брадке, а затем особое совещание под председательством упоминавшегося выше графа С.Г. Строганова. При этом царская администрация демонстрировала определенную степень открытости в процессе начальной разработки документа. Проект устава был переведен на английский, немецкий и французский языки. По официальному поручению К.Д. Кавелин был специально командирован для

²⁶ Цит. по: *Соболева Е.В.* Указ.соч. С. 178.

²⁷ *Рождественский С.В.* Указ.соч. С. 362.

²⁸ См. об этом: *Рождественский С.В.* Указ.соч. С. 109 и далее.

²⁹ В упомянутой статье П.Н. Милюкова для энциклопедии Брокгауза и Эфрона произошедшие изменения описываются следующим образом: «Везде действие проявлялось корпоративно. Везде обнаруживалось понятие о достоинстве, значении и силе корпорации. Так, и поступкам насильственным, нарушавшим общественный порядок (имеются в виду студенческие беспорядки 1861 г. – П.С.), лежало в основании это же понятие, и как бы такой взгляд на коллективную личность корпорации не был бестолков и ложен, он совпадает с развитием мысли о личном достоинстве во всем образованном обществе...». // Указ. соч. С. 792.

изучения постановки университетского образования в странах Европы³⁰. И все же реальным итогом реформы стало прежде всего обновление кадрового состава университетов приуроченное, как и в 1835 году, к введению нового университетского устава³¹.

Общественная полемика фактически сыграла на руку стремлению обновить бюрократический аппарат после прихода к власти Александра II. Конкретное содержание образовательной политики по-прежнему находилось в зависимости от личной воли императора и его окружения. Уже в начале 1870-х гг. были предприняты попытки по пересмотру основных положений устава 1863 г. В 1875 г. комиссия под председательством товарища министра народного просвещения И.Д. Делянова приступила к подготовке проекта нового устава, который был вынесен на рассмотрение Государственного совета в начале 1880 г.³² Таким образом, либерализм устава 1863 г. был по преимуществу внешним, декоративным, не способствуя реальной автономии университетов. В действительности, правительство уже в 1860-е гг. было полно скептицизма и недоверия к принципам академической свободы и исподволь нарушало их³³.

Принятый в 1884 году университетский устав вновь в явной форме запретил поощрение корпоративного сознания³⁴. В то же время было бы некорректно воспринимать весь период 1884-1917 годов под знаком ограничительных мер. Более того, уже к 1900 году устав 1884 года не представлял собой «цельного и систематизированного законодательного акта»³⁵ и эта ситуация только усугублялась в дальнейшем. Одновременно крепло и к 1917 году все чаще открыто выражалось убеждение в том, что университет не может и не должен выполнять задачу подготовки выпускников к государственной службе. Прямо формулировалась задача отмены «служебных и сословных прав, ...связанных с получением университетского диплома»³⁶. Опираясь на практику французских высших учебных заведений, авторы цитируемого документа подчеркивают необходимость большей близости университетского об-

³⁰ Результаты этой поездки тогда же нашли отражение в публикациях Кавелина. См. напр.: *Кавелин К.Д.* Устройство и управление немецких университетов. // Собрание сочинений. СПб., 1899. Т. 3.

³¹ См. об этом: *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на грани двух эпох. М., 1985. С. 109-110.

³² См. об этом: *Рождественский С.В.* Указ соч. С. 503 и далее.

³³ Методы руководства университетами в Российской империи в эту 'либеральную' эпоху характеризует, например, документ из канцелярии Киевского учебного округа, датированный 1865 г. и рекомендующий «приискать благонадежного человека, который, оставаясь неизвестным для студентов, мог быть употребляем для наблюдений по указанию». // *Киевский университет...* С. 32.

³⁴ История Московского университета... С. 272.

³⁵ *Глинский Б.Б.* Указ. соч. С. 742.

³⁶ Объяснительная записка к проекту Устава Императорских Российских Университетов. Государственный архив Российской Федерации (далее - ГАРФ), фонд 581 (личный фонд С.Ф. Ольденбурга), опись 1, дело № 5, лист 4. Датируется приблизительно 1915 г. по содержанию и расположению в описи).

разования к требованиям профессиональной подготовки с сокращением срока обучения до трёх лет³⁷.

Родовой чертой российских университетов, связывающей их с германской академической традицией³⁸, было воплощение единства образовательной и исследовательской деятельности в фигуре профессора, единолично занимающего ту или иную кафедру. Вызванное первоначально недостатком национальных научных кадров, это обстоятельство привело к рубежу XX столетия к замыканию исследовательской деятельности по отдельному направлению на личность профессора, оказывавшего подобием императора в масштабах кафедры или дисциплины. Следствием этого стал консерватизм российской университетской науки³⁹. Внутри университетов росло напряжение между профессурой и младшим преподавательским составом, представители которого требовали улучшения своего материального обеспечения и возможности полноценно участвовать в академических делах⁴⁰. Даже та двусмысленная и слабая автономия, которая была достигнута российскими университетами к 1917 году, оказывалась внутри высших учебных заведений источником поколенческих конфликтов и (само)изоляции ученых от общества⁴¹.

Сама форма университета начинала все чаще восприниматься как слишком узкая, стесняющая научный прогресс и ограничивающая приток молодых талантов. Так, например, в относящемся к 1905 году письме к М.М. Ковалевскому видный ученый-экономист А.И. Чупров подробно развивает идею «Новой Школы», которая могла бы выступать как «дополнение и корректив ныне существующего университетского образования», позволив существенно расширить охват университетского образования и демократизировать преподавательский состав, за счет лиц, не защитивших магистерской или докторской диссертации⁴². В ответном письме М.М. Ковалевский набрасывает программу создания двух школ «общественно-государственных» и «юридических» наук, курс обучения в которых должен быть рассчитан на два-три года и предполагать возможность обучения слушателей обоих полов. От препода-

³⁷ ГАРФ, ф. 581, оп. 1, д. 5, лл. 15, 15об., 18.

³⁸ См.: *Рингер Ф.* Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890-1933. М., 2008.

³⁹ За период с 1880 по 1910 гг. программы университетских курсов не претерпели существенных обновлений. См.: История Московского университета... С. 382.

⁴⁰ См.: Докладная записка о положении младших преподавателей и оставленных при университете историко-филологического, физико-математического и юридического факультетов Императорского Московского университета. Сергиев Посад, 1916. (ГАРФ, ф. 581, оп. 1, д. 12)

⁴¹ «В настоящее время университет полон – особенно среди младших преподавателей – ученых-одиночек, тяжело ощущающих свою обособленность». (Докладная записка о положении младших преподавателей и оставленных при университете историко-филологического, физико-математического и юридического факультетов Императорского Московского университета. Сергиев Посад, 1916. (ГАРФ, ф. 581, оп. 1, д. 12, л. 6об.)).

⁴² Письмо А.И. Чупрова М.М. Ковалевскому от 16 августа 1905 года. Цит. по.: Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.). Вып. IX. М., 1999. С. 433.

вателей проектируемых заведений, согласно Ковалевскому, «требуется не ученые степени, а работы или педагогическая деятельность, а также имя в литературе или печати»⁴³.

Состоятельность университета как образовательной формы в рассматриваемый момент зависела от того, удастся ли преодолеть господство старых схем описания и понимания высшей школы. Она продолжает зависеть от готовности к интеллектуальному и организационному поиску и сегодня. Перед 1917 годом, как и сегодня, усиливалось ощущение истощенности, отсутствия горизонта развития отечественной академической традиции. Попытка точного перевода западноевропейских образцов не оправдала себя. В наши дни развитие высшего образования уже не может строиться по такой модели. Вопрос «почему университет?», «зачем университет?» не имеет сейчас очевидного ответа в мировом масштабе. Борьба за сохранение элементов советской образовательной системы оказывается порой только маскировкой отсутствия подлинного университетского (само)сознания. Это не означает, что мы в принципе лишены возможности дать на поставленные вопросы какой-либо ответ.

Российским университетам необходимо пережить трудный процесс окончательного размежевания с государственной машиной. Это не может произойти мгновенно. Катализатором движения вперед, своего рода экспериментальной площадкой могут и должны стать формирующиеся внутри действующих государственных университетов поверх дисциплинарных границ активные группы, связанные совместной деятельностью с местными сообществами, профессиональными ассоциациями, международными движениями. Организация такого сотрудничества предполагает преодоление любых вариантов логики жёсткого «разделения» на преподавателей и студентов, «взрослых» и «детей», «начальников» и «подчинённых». Она финансируется добровольными регулярными взносами самих участников, а также сотрудничающих с ними групп и предприятий. Очевидно, что такая концепция имеет предпочтительные шансы на реализацию в небольшом или среднем по размерам высшем учебном заведении.

Университет в целом превращается в своего рода координационное «депо» открытого множества исследовательских групп. Коммуникация между ними может обеспечиваться на основе единых стандартов профессиональной этики, выражающей корпоративное представление о социальной ответственности академического сообщества. Высшая школа не столько дает знания, сколько специфическим образом организует обстановку, пригодную для их

⁴³ Письмо М.М. Ковалевского А.И. Чупрову от 18 августа 1905 года. Цит. по.: Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.). Вып. IX. М., 1999. С. 434-435.

извлечения из совместной интеллектуальной деятельности. Качество знаний оценивается не по их «фундаментальности», а по качеству удовлетворения познавательных потребностей всех участников процесса. Такое удовлетворение может быть достигнуто только в процессе доверительного обмена идеями, которые свободно циркулируют в сообществе, создавая основание для его существования, что потребует мягкого подхода к защите прав интеллектуальной собственности.

Непереводимость академической традиции означает, что не существует универсально пригодных рецептов развития высшего образования. Каждый из них имеет ограниченную применимость и срок действия. В университете нужно создавать, развивать и стимулировать самые разнообразные занятия, потому что никто не знает наверняка, какое из них окажется важным в будущем. Там, где на все пространство высшего образования накладываются единые критерии, возникает питательная среда для показного рвения, скрытых интриг и равнодушия. Профессиональность академического интеллектуала проявляется прежде всего в установке на постоянную заботу о будущем, о живом продолжении начатых проектов. Смысл университета должен постоянно находиться под вопросом и, в свою очередь, вопросы должны придавать университету смысл. Предварительно, конечно, нужно достаточно хорошо видеть болевые точки настоящего, что требует хорошего знания истории и готовности его применять.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А.Ю. Андреева Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000.
2. Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000.
3. Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М., 1897. С. 305-306.
4. Вишленкова Е.А. Казанский университет Александровской эпохи. Казань, 2003.
5. Глинский Б.Б. Университетские уставы. // Исторический вестник. 1900, т. LXXIX. С. 718-742.
6. Джаншиев Г.А. Из эпохи великих реформ. 5-е доп. изд. М., 1894. С. 221-222.
7. Зорин А.Л. Разлука с семьей весной 1797 года: двойная идентичность Михаила Муравьева // Новое литературное обозрение, № 110, 2011. (Режим доступа: URL <http://www.nlobooks.ru/node/1088>. Дата обращения - 18.11.2012).
8. Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII-1917. М., 1994.
9. Кавелин К.Д. Устройство и управление немецких университетов. // Собрание сочинений. СПб., 1899. Т. 3.
10. Киевский университет. Документы и материалы. 1834-1984. К., 1984.
11. Козлов С.Л. Сообщество выскочек: «Субъективный фактор» реформы высшего образования во Франции эпохи Второй империи // Новое литературное обозрение, 2009, № 100. С. 583—606.

12. Кулакова И.П. У истоков высшей школы: Московский университет в XVIII веке. // Отечественные записки, 2002, №2. С. 3-54.
13. Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели. М., 2006.
14. Никс Н.Н. Московская профессура во второй половине XIX — начале XX века. М., 2008.
15. Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890-1933. М., 2008.
16. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб., 1902. История Московского университета. Т. 1. М., 1955.
17. Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. Л., 1983.
18. Уставы Академии наук СССР. М., 1974.
19. Ферлюдин П.И. Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Саратов, 1893.
20. Шевырев С.П. История императорского Московского университета. Репринтное издание. М., 1998.
21. Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох. М., 1985. С. 109-110.
22. Flynn J.T. The University Reform of Tsar Alexander I, 1802-1835. Washington, 1988.
23. Rugg W. (Ed.) A History of the University in Europe. Volume 3: Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1800 -1945). Cambridge., 2004.